

маций (речь идет о ремесленниках средневековых городов) как труд, который «наполовину искусство, наполовину самоцель»³⁷. Такой труд, по Марксу, — пока еще собственный труд работника; определенное самодовлеющее развитие односторонних способностей работника³⁸. «Ясно, что там, где отношение работника является собственностью на орудие труда, там в действительном процессе труда орудие представляет собой только средство индивидуального труда; искусство сделать орудие действительно своим собственным, овладеть им как средством труда выступает как особое мастерство работника, утверждающее его собственником орудия»³⁹. Уникальный характер изделия средневекового мастера неотделим от средства труда как собственности мастера. Но обретение средства труда как собственности и есть средневековое мастерство-ремесло. *Философский камень*, ставший средством труда в трансмутационной практике алхимика, есть в некотором смысле сам алхимик, трансформирующийся в бога. Средство, вочеловечившись, становится целью; цель, приобретает вид изделия-вещи, становится средством. Средневековое ремесло уникально, хотя и глубоко корпоративно (и в этом смысле «серийно»). Если средневековое ремесло таково по внутреннему своему устройению и назначению, то ремесло алхимика наглядно таково. Но попробуем понять алхимию как средневековую «химию».

Алхимия — это прежде всего практическое златоделание, в формах и терминах которого осуществляется духовная цель (она же и средство) строительства космоса. Космостроительство в некотором роде тождественно самостроительству. В этом смысле алхимия есть реализация ремесленного идеала (неотделенности живой способности производителей от форм бытия, содержания и возможностей орудия их труда). Вместе с тем сам этот космос мыслится как вещь-средство, и поэтому даже эта чисто «духовная» цель тоже глубоко практична. Однако алхимическая практика — практика лишь при условии дополнительной противопоставленности официально-средневековому умозрительному природознанию. И так, «духовное», «теоретическое» природознание магистрального средневековья и вещественная «экспериментальная» алхимия. Вне этого противопоставления нет и алхимии. Стоит оторвать опытную алхимию от умозрительного природознания, алхимия как историческая реальность перестает существовать. Тогда-то и легко увидеть в «алхимии» (уже не в ней!) прямую предшественницу научной химии, химической технологии или вовсе ничего не увидеть.

Между тем теолого-теоретическое природознание магистрального средневековья при внимательном рассмотрении оказывается резко поляризованным на схоластику и ремесло. Алхимия же — вновь вслушиваемся в рецепт *Рипли* — в парадоксальном виде схватывает это средневековое природознание в его целостности, ориентируя его на земные практи-

³⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 46, ч. 1, с. 487.

³⁸ Там же, с. 488.

³⁹ Там же, с. 490.